

Презент для мошенника

Причудливая это вещь — профессиональная терминология. Юридическая, в частности...

Помню, позвонил знакомый начальник милицейского отделения — приходи, говорит, на любопытную картину посмотришь. Ну прямо фельетонная ситуация.

Пришел. За барьером сидят двое юношей лет восемнадцати-двадцати. У одного рука в гипсе и фингал под глазом, у другого лоб заклеен, за бок хватается и говорит заикаясь. Оба как в воду опущенные. А на скамейке поодаль здоровяк краснолицый лет шестидесяти. В рубашке-сетке, сатиновых шароварах, босоножках и с авоськой, из которой куриная нога торчит. Сидит, улыбается.

— Потерпевший, — обращается к здоровяку мой знакомый начальник, — расскажите корреспонденту, как все было.

А тот растерянно оглядывается:

— Это вы ко мне?

— К кому же еще?

— Да какой же я потерпевший? Это ребятишки, пусть уж извинят старика.

— Потерпевшим вы, гражданин, у нас проходите. На вас нападение совершено...

Шел этот самого мирного вида дядька со своего садового участка к электричке. А два пьяненьких парня решили покуражиться над ним. Один за авоську дернул, другой по лысине хлопнул. Тот — стыдить. Эти — пуще. Ну, не выдержал старый десантник. Минуты не прошло, как оба на земле корчились...

Да, причудлива терминология профессиональная. А потерпевшие бывают еще более странными. Одним из таких и оказался Платон Иннокентьевич Тришкин, торговый работник.

Когда назвали его потерпевшим в отделении милиции, он ушам своим не поверил, а уяснив суть дела, даже возликовал. Он-то думал, что его тут же арестуют... а оказывается, может, еще и деньги вернут...

Но мы должны рассказать, каким образом Тришкин оказался в таком звании. Тем более что, будучи персонажем второстепенным в нашей истории, именно он дал розыску важную нить. Итак, в один теплый сентябрьский вечер Платон Иннокентьевич сидел на лавочке в скверике и мучительно размышлял, что же ему делать. Очень противоречивыми были мысли. С одной стороны, дело, о котором он хлопотал уже давно, встало как будто бы на надежные рельсы. Однако печать заботы на челе Тришкина свидетельствовала, что оно хотя и катилось по этим самым рельсам, но на станцию назначения еще не прибыло. Тот факт, что Платон Иннокентьевич внес для дела одну тысячу рублей, вселяло уверенность. А с другой стороны, это же обстоятельство и тревожило: вручена сумма вроде бы людям верным и надежным, да поди их разбери — нынче все прилично одеваются и носят вузовские значки на пиджаках, — кто из них солидный человек, а кто...

Платон Иннокентьевич вспоминал встречу с рекомендованным ему «верным человеком»...

Владимир Иванович Петухов имел на автобазе, где работал механиком, и на овощной базе, которую тоже по совместительству обслуживал, солидную репутацию. Тришкин по делам службы и был связан с овощной базой. Пригляделся Платон Иннокентьевич к Петухову — что-то в нем не нравилось. Но уж очень солидны были рекомендации.

Рабочий день механик обычно начинал не в яме под машиной и не у разобранного двигателя. Рабочий день Владимир Иванович начинал с конторки, где стоял телефон. Сначала механик обслуживал «левую» клиентуру. А уж потом обращался к прямым обязанностям. И все сходило: еще бы, «человек со связями», такому замечание не сделаешь.

Когда Тришкин рассказал о своей беде всемогущему механику и пообещал выполнить все условия, Петухов тут же направился в конторку. Небрежно отстранил шоферню, жестом приказав

положить трубку, и набрал номер. Платон Иннокентьевич с замиранием сердца услышал такой разговор.

— Аллю, — говорил в трубку механик, — это я. Не узнал? Богатым будешь. Вчера почему не пришел? Занят был... На даче... Нет, поднимай выше... «Ситроен» его посмотрел. Ничего, мотор приличный... А я к тебе по делу, старик. Понимаешь, на овощной базе у меня приятель работает. Жену его замели... Что? Нет, ничего серьезного, но... сам понимаешь. Ты распорядись там, чтобы не очень... Я ручаюсь... Так сам сделаешь или государственному советнику позвонить? Время нужно? Только не тяни. Ну если не выйдет, звякну Федору Ивановичу... Бывай...

Несколько легкомысленным показался Тришкину этот разговор. Но другого выхода не было. Да и не очень виновата жена — не арестовали, только подписку взяли о невыезде. И все же... Стоило раскошелиться для верности.

Ах, если бы знал Тришкин, что говорили на другом конце провода.

А на другом конце трубку снимал Наставник, как звал его Петухов. Посмеиваясь, слушал он болтовню «ученика». «Давай, жми на все педали» или что-нибудь в этом роде, — говорил Наставник, чтобы помочь Петухову — все-таки сподручней говорить не в немую трубку, а когда чувствуешь собеседника.

Поскольку Наставник не занимал постов, где требуется звание государственного советника (он вообще нигде не работал), разговор двух приятелей можно было бы посчитать милым розыгрышем доверчивых людей. Можно было бы, если бы «озорные» телефонные переговоры не имели прямого отношения к Платону Иннокентьевичу и к его тысяче рублей.

Не такими они были — Наставник Петухова, да и сам он, чтобы тратить время на милые пустячки. Недаром шофера прозвали Петухова «Коньячным» — без бутылки коньяка машину отремонтирует так, что со двора только и выедешь. Самого Наставника никто никогда не видел. Но в передаче Петухова слышали его изречения вроде такого: «Имеющий уши — да слышит, имеющий деньги — да отдаст». Он слыл философом в своем кругу, неизвестный никому Наставник Петухова.

А между тем события разворачивались так, что завеса над таинственным Наставником чуть-чуть приоткрылась. Во-первых, Платон Иннокентьевич ни за что не хотел отдавать деньги Петухову. «Только самому, для верности», — сказал он. «Коньячный» сначала сопротивлялся, а потом, позвонив, назначил встречу с Наставником. Лишь мельком увидел Тришкин чернявого человека, сухонького, небольшого роста. Но — запомнил.

А во-вторых, как это часто бывает, вмешался случай...

Говорят, случай имеет капризы, но не привычки. Как всякий афоризм, этот тоже верен лишь отчасти. Того, кто занимается недозволенным, случай подстерегает с завидным постоянством. От него, случая, не скрыться ни за какими ширмами, не уйти, сколь бы хитроумно ни петлял. Нарушитель закона находится в плену странной иллюзии, будто можно прожить жизнь, балансируя на канате, повисшем над пропастью. Он обставляет свои нечестивые шаги самыми надежными, с его точки зрения, прикрытиями, рассчитывает ходы, как шахматист, namного вперед, старается предугадать действия тех, кто должен его «поймать». Но в конечном итоге это — словно игра в рулетку, где проигрыш обеспечен почти со стопроцентной гарантией. Это «почти» и создает иллюзию. Как свидетельствует богатый опыт заблуждений человечества, никто еще не обманул игральную судьбу. Да, куши, и крупные, срывали многие. Счастья жизни не выигрывал никто. Не без смысла ведь сказано: можно удержаться на одном уровне добра, но никому еще не удавалось удержаться на одном уровне зла. Приходит момент, и игрок, сколь искусным бы он сам себе ни казался, остается с битой картой.

— Ах, ведь я хотел пойти с... Ах, подвела самая малость. Ах, если бы... — неизбежный финал любой аферы. И неудачник плачет, кляня свою судьбу... — Ах, если бы...

Вот и в нашей истории подвел случай...

В ночь с 14 на 15 мая по окружному шоссе на предельной скорости мчалась серая «Волга». Она, как пишут в детективных романах, глотала километры асфальта, лунные блики играли на ее полированных боках, и была она подобна хищному зверю, настигающему добычу. Правда, ни она никого не преследовала, ни ее никто не догонял. Таинственная «Волга» мчалась в одиночестве. И вдруг встала... У «Волги» засорился карбюратор, она беспомощно замерла на краю асфальтовой ленты.

Кругом было пустынно и тихо. И надо же такому случиться: нежданно-негаданно появился человек в милицейской форме. Не детектив с Петровки-38, нет, вполне мирный инспектор ГАИ, который производил объезд своего участка. Увидел нижние половины двух туловищ, торчащих из-под капота.

— Не то вы на ней ездите, не то она на вас, — благодушно сказал инспектор, слезая с мотоцикла.

— А-а-а, делают тоже, руки бы поотрывать, — крупный мужчина лет пятидесяти на секунду оторвался от мотора, — совсем новая и вот...

Второй, черноволосый, худощавый повернулся к обочине.

— Далеко путь держите?

— Мы-то? — чернявый чуть замялся, его спутник продолжал копаться в моторе, — да в общем-то не очень, машину обкатываем.

— Ночью?

— А что? Красота — никаких помех, жми на все педали. Самое время.

— Оно, конечно, — согласился инспектор; он обошел машину, никаких подозрений она не вызывала, но все же инспектор попросил документы: он привык, педантичный инспектор ГАИ, на всякий случай проверять водительские документы.

— Да что вы, инспектор, — забеспокоился чернявый, — думаете что... мы ж только круг сделать.

— Предъявите.

— Пожалуйста, только пусть вас не удивляет... некоторое несоответствие... Машина не моя... пока... Обзавестись хочу транспортом. Вот и договорился со вдовушкой одной...

— Только фамилии не соответствуют или еще что? — переводя взгляд с водительских прав на лицо водителя, говорил между тем инспектор.

— Вы имеете в виду номера?

— Тоже несоответствие.

Презент для мошенника

— Это ж ерунда... Машина у той женщины в гараже стояла. На приколе. На ней и не ездили. А как же попробовать-то ее? А, инспектор? Без но-меров-то вы ее сразу... у-у, инспектор, вы народ бдительный. От вас не укроешься, под асфальтом видите. Без номеров-то как? Пришлось у приятеля позаимствовать. Только чтобы машину попробовать. Кстати, и карбюратор готов... Можно ехать?

— Ехать, гражданин, можно. Только за мной. Придется нам все уточнить насчет машины и номеров. В отделении...

Машину оставили в ГАИ до утра, пассажиров отпустили тоже до утра. А утром владелица машины подтвердила — да, это ее «Волга».

— Дело в том, — объясняла она, — что я собралась ее продать. Они взяли ее, чтобы на ходу проверить. Как доверилась? Очень просто. Во-первых, без номеров далеко не уедешь — а номера

они сняли и мне оставили. А во-вторых, и деньги оставили. В целлофановом пакете у меня лежали.

— Где этот пакет? — спросили в милиции.

— А они чуть свет ко мне прибежали, рассказали о случившемся. Позвонила я к вам. И когда убедилась, что машина цела, пакет вернула... А от покупки машины они почему-то отказались. Испуганные какие-то были.

Утром явился один из покупателей в милицию. Его спросили, каким образом на машине оказались чужие номера. Он назвал владельца «Москвича», приятеля, который одолжил на время номера со своей машины — только чтобы круг по кольцевой сделать.

В отделении пожимали плечами. С одной стороны, мелочь. А с другой стороны, что-то сомнительное чувствовалось в действиях покупателей. Но — сомнения не улики. Сделали в милиции внушение: дескать, надо все официально оформлять, а не хитрить с номерами. И отпустили.

Только один инспектор все же сказал, что для порядка следовало бы протокол составить.

— Зачем протокол? — загорячился покупатель. — Я что, вор какой. Участник войны. Вот документы.

— Да ведь протокол никак вас не ущемит. Формальность.

— Не привык я к этому. Морально мне тяжело. Вот документы мои, за всю жизнь в милиции не был, а тут — протокол!

Милиционеры подивились такой горячности, протокол составлять не стали: и впрямь никакого криминала вроде бы не было. Все же перед ними участник и даже инвалид Великой Отечественной войны. Зачем заслуженному человеку лишнюю травму наносить.

Однако недоверчивый инспектор записал для себя фамилию ветерана: Михаил Васильевич Миньков...

Отступление первое:

Кто такой бюрократ?

Вы не догадываетесь, читатель, почему уважаемый и заслуженный, по крайней мере по документам, Михаил Васильевич Миньков так испугался хоть и милицейского, но в общем-то безобидного протокола? Если не догадываетесь, то нам придется сделать небольшое отступление и поговорить о... бюрократизме.

Какое отношение имеет это зло к нашей истории? Самое прямое... Широко известна поговорка насчет того, что рыбка лучше всего ловится в мутной водичке. Если под «рыбкой» иметь в виду результаты всяких противозаконных махинаций, то

Презент для мошенника

«мутную водичку» создает прежде всего не педантичное поклонение бумажке, а полный беспорядок в делах.

Но кого мы порой чествуем «бюрократом» и «формалистом»? Работника, который скрупулезно выполняет все положенное по должности «от сих до сих», аккуратно обращается с каждой входящей или исходящей, который никогда не нарушит ни пункта инструкции и т. д. Не скажу, что такой педантично-исполнительный человек представляет собой верх совершенства. Его можно упрекнуть в отсутствии инициативы, в том, что он не «горит» на работе, в чем угодно. Но только не в бюрократизме. Ибо сущность бюрократа не в том, что он педант, а в том, что он, по выражению Маркса, «формальное выдает за содержание, а содержание — за нечто формальное», что он вступает «в конфликт с реальными целями», государственные задачи превращает в канцелярские, а канцелярские — в государственные. Так что почтение к бумаге может сопутствовать бюрократизму, но это отнюдь не его двойник.

Наоборот. Иной работник весьма размашист, речист, он в цехе или в кабинете с утра до поздней ночи. То есть вроде ничего общего не имеет с привычным стереотипом бюрократа. Он на ходу пообещает что угодно, подмахнет любую бумажку, он высокомерно отметаёт «всякие там» инструкции и предписания, утверждая, что жизнь начинается не с бумажки. Но под этой лихой внешностью как раз нередко и таится тот, кто свои цели выдаёт за государственные, а государственные ставит себе на потребу. Он-то и создаёт ту самую мутную водичку, в которой так вольготно чувствуют себя всевозможные проходимцы.

К сожалению, такой размашистый товарищ вызывает наши симпатии не так уж редко. А аккуратный же работник, наоборот, чаще нам антипатичен. Стереотип формы! Но у аккуратного-то мошенник и не разгуляется.

Сказанное относится не только к должностным лицам учреждений. Аккуратность в личных делах, сверка своих действий с нормами права — это необходимый элемент нашей гражданской дисциплины. Говорят, в Древнем Риме поставили памятник ничем не примечательному человеку, прожившему 101 год. А эпитафия на памятнике была такой: «Он ел и пил в меру и всегда соблюдал закон».

Не усмехайтесь, читатель: всегда и во всем, в самых малых житейских мелочах соблюдать закон бывает не так просто, как может показаться.

К сожалению, не так редко правовую норму мы стремимся подменить здравым смыслом. Часто пользуемся консультациями «всезнающих» знакомых. Мы достаточно критически (правда, далеко не всегда) относимся к рецептам знахарей, домашних врачей-лечителей. А вот когда дело касается отношений, которые регулирует право, охотно выслушиваем советы доморощенных адвокатов. И часто следуем им. Больше того: ищем таких знакомых, хотя настоящий специалист буквально рядом сидит. Мне, например, неоднократно приходилось прямо-таки убеждать людей пойти в юридическую консультацию, получить совет специалиста, вместо того чтобы идти к «авторитетному», с их точки зрения, человеку.

Был в моей газетной практике такой случай. Пришел на прием один гражданин и категорически потребовал протащить в фельетоне «райисполком, народный суд, прокурора и еще народный контроль».

Презент для мошенника

— Чем же не угодили вам вышеперечисленные организации? — спросил я.

— Они, — ответил, — встали на защиту моей супруги. Бывшей супруги. Кстати, ее тоже не мешало бы протащить. Потому что у нее на поводу тйипли все эти уважаемые организации и не захотели пресечь вопиющую несправедливость.

Я не очень преувеличиваю, передавая этот разговор. Посетитель был агрессивен, велеречив и безо всяких шуток требовал раскритиковать перечисленные инстанции.

— Все-таки, в чем дело?

— Понимаете, мы разошлись. С моей женой. Расторгли брак. И вот эта коварная женщина...

Когда жизнь разбита, бывшие супруги расходятся легко, иногда даже радостно. А вот имущество и прочие материальные вещи, в частности жилплощадь, ставят много трудных проблем.

Мой посетитель как человек, по его словам, основательный, не летун какой-нибудь, не захотел, расставаясь с супругой, расстаться также с уже освоенной жилплощадью. О чем и объявил бывшей спутнице жизни.

— Давай, — сказал, — так сделаем: я остаюсь в квартире, тем более мне ее дали, а тебе устрою кооператив. — И вручил супруге энную сумму денег.

— Не просто так отдал, — продолжал посетитель, — мои друзья, которые посоветовали так сделать, присутствовали при разговоре, да я еще и расписку взял.

Бывшая супруга охотно дала расписку: «На свою часть жилплощади по адресу... не претендую и оставляю ее бывшему мужу — гражданину...» * Естественно, о том, что она получила энную сумму, в обмен на свое право на жилплощадь, никаких документов не оставила. «Это будет выглядеть неприлично, — сказала она. — Вроде мы мелочной торговлей занимаемся. А у тебя надежный документ. Вот, я у себя на работе заверила круглой печатью свою расписку».

На том и порешили.

Долго ли, коротко ли плавала по морям житейским бывшая супруга, только никакой подходящей пристани не нашла, сумму же истратила. И вернулась в одно прекрасное время под родную половину крова. Супруг тут же ей расписочку:

- Подпись ваша? Печать есть? Или, может быть, сделать графическую экспертизу?
- Зачем, — отвечает супруга, — на экспертизу тратиться. Моя подпись на этой филькиной грамоте. Не отрицаю. И печать есть.
- Как так филькиной? Это ж документ!
- Липовый! Никакой юридической силы он не имеет: ты сходи к адвокату...

Полетел супруг в юридическую консультацию. Над распиской насчет отказа от жилплощади там посмеялись: это не документ для признания утраты права на жилплощадь. «А деньги? Мои деньги?» — спросил супруг. «Если есть расписка на деньги, тогда, конечно, можно спорить». Но о деньгах нигде ни полслова.

- Но я же ничего этого не знал, — отчаянно говорил мне посетитель, — мне мои приятели сказали... Опытные люди...

Честно говоря, мне подумалось, что приятели посоветовали операцию с квартирой то ли в подпитии, то ли шутки ради. Очень уж все наивно выглядело.

Но не в этом дело. Серьезнейший гражданско-правовой акт взрослый человек совершает, консультируясь лишь со «всезнающими» приятелями! А потом ходит по инстанциям, ему разъясняют смехотворность его претензий, а он всерьез жалуется на «этих бюрократов».

Словом, наша дискуссия о формализме и справедливости не была плодотворной. Увы, дискуссий подобных идет достаточно много и в судебно-прокурорских кулуарах, и в исполкомовских приемных, и в редакциях газет. Пострадавшие выдвигают один аргумент: мы же не знали...

Надо знать, иного не ответишь. Учение — свет, неученье, наоборот, тьма. Литературы юридической хватает, сеть консультаций широка, юристы, наверное, на каждом предприятии имеются. Так что учись, знакомься, постигай. А вот более звучная, ставшая классикой формула: «держай, выдумывай, пробуй», тут никак не подходит. Во многих случаях подходит и дает отличные результаты. В сфере же действия закона — не годится. Тут надо только следовать... Когда заходит речь о точном соблюдении правил, оппоненты любят ссылаться и на здравый смысл, и на то, что нет правил без исключения...

Один из самых скользких путей беззакония — выступление против законности под флагом критики формализма и бюрократического бездушия, под вывеской борьбы за справедливость вопреки «мертвым» правилам. Однако наши законы — достаточно точно выверенные нормы поведения, они постоянно совершенствуются и отвечают интересам подавляющего большинства населения.

Увы, мы как-то не хотим (не умеем, может быть) отделять бюрократизм от порядка, мертвящую канцелярщину от четкости в делах. Конечно, масштабные свершения и героические трудовые будни, захватывающие открытия и ломка технических канонов, неумное творчество и успехи научного прогресса — все это свысока смотрит на копошение делопроизводителей. Но скольким же людям приходится потом кусать локти, сколько хороших дел губится из-за того, что что-то не соблюли, не так оформили, небрежно записали. Правовые отношения — а мы вступаем в такие отношения на каждом шагу, просто не замечая этого, — требуют особой строгости и четкости.

Законы, образно говоря, это правила движения по жизни. Не всегда нарушение их влечет штраф или даже свисток. Но во всех случаях нарушения статьи закона, уголовного или гражданского, люди очень и очень рискуют. Рискуют своим положением, своей карьерой, своей судьбой. И почти всегда неоправданно. В тысячах случаев мы пренебрегаем правовыми нормами и создаем тем самым питательную среду для всевозможных проходимцев.

Право, сколь бы совершенным оно ни было, само по себе не решит наших жизненных проблем. Избежать же ошибок при их решении, самых элементарных ошибок, поможет.

Но... Это всегдашнее «но»! Выстроишь цепь логичных рассуждений — по крайней мере, тебе кажется, что логичных. И задумаешься. Ну, прочитали мы очень правильную нотацию незадачливому супругу: и о необходимости знать закон сказали, и о наличии юридических консультаций, и о правилах даже «движения по жизни». А супруг в деловые отношения-то вступает не с ремстройкон-торой — с живым человеком, с женой, пусть и не любящей, пусть даже бывшей! Как тут «все соблюсти». Можно таким образом себя совсем уж уронить в глазах женщины, унижить себя пусть и очень правильными с точки зрения норм права поступками. Нет, не сбросишь со счетов «психологию». Многое ведь мы делаем «не так», даже отлично сознавая это.

Помню одну свою публикацию. Там я сообщил читателям содержание такой нормы гражданского права: если ты дал в долг больше 50 рублей и не взял расписку, то есть дал деньги на слово, и если должник не пожелает их возвратить, то к суду вызывать бесполезно. Такой иск рассматриваться не будет, даже если заимодавец представит десяток свидетелей. Только расписка. Таков закон.

Что началось после этой правильной и вполне невинной публикации! Сотни три писем — все ругательные. Содержание одно: вы проповедуете, что человек человеку — друг, товарищ и брат, а тут же требуете расписки какие-то! Да как в глаза посмотреть человеку, с которого надо расписку брать? Где же наша мораль! Абсолютно не правы были читатели-оппоненты. Никто, во-первых, не требует брать расписок: просто закон предупреждает — не выполнишь его требования, так и не ищи у него защиты. А во-вторых, закон предусмотрителен: он оберегает кошельки граждан от потенциальных мошенников — что стоит ловкачу представить «свидетелей», которые подтвердят, что видели, как гражданину дали займы тысячу.

Словом, не правы читатели?

По-своему, как говорят, по большому счету, — очень правы! Некоторые наши поступки не поддаются регулированию очень правильными нормами, не ложатся в схему. Я, честно говоря, часто давал и даю в долг, но расписок не брал ни разу. Ничего не поделаешь — противоречие, из которых соткана жизнь. И, конечно, нельзя не сочувствовать супругу, которого так лихо надула «дорогая половина». Вот только упрекать прокурора ему не надо. Только себя. Будь широк, щедр, безумствуй! Но смотри на этот мир и на закон, в нем действующий, открытыми глазами.

К этой теме нам еще предстоит вернуться. Тем более что мы ведь оставили на ночном шоссе нашего «героя», который так испугался перспективы составления протокола. Этот-то персонаж отлично осведомлен о силе правовых норм, поэтому очень хочет, чтобы они в отношении его не соблюдались. Проходимец как огня боится порядка в делах, он за версту обойдет гражданина, чтущего закон. Всякое официальное оформление повергает его прямо-таки в трепет. Вот поэтому и всполошился Михаил Васильевич Миньков...

Пока происходили все эти события, Платон Иннокентьевич бесцельно шатался по улицам, пребывая в некоем трансе. И почему-то, когда выходил из транса, он видел перед собой вывеску отделения милиции. Он шарахался от этой вывески, но она снова как магнитом притягивала его. «Черт с ней, с тысячью рублей», — говорил себе Тришкин, когда видел вывеску. «А может, ничего не будет?» — сверлила мысль на расстоянии от опасного учреждения.

Сколько бы он маялся, неизвестно, если бы знакомый не рассеял его сомнения: «Если добровольно заявишь о вымогательстве у тебя взятки, ничего не будет, а может, и деньги вернут». И тогда Платон Иннокентьевич решился:

- Пришел сдаваться, — невесело пошутил он, представляясь дежурному по отделению...
- Опишите приметы человека, которому была передана тысяча рублей, — попросили Тришкина.
- Да я мельком его видел, чернявый такой. Больше ничего не знаю...

Следователь управления внутренних дел сидел

Презент для мошенника

за рабочим столом и имел перед своими глазами несколько разнокалиберных листов, вложенных в тощую папку, на которой было написано «Дело № ...» Номер еще не значился. Потому что дела как такового не было. Была только папка. Следователю очень хотелось написать цифры и тем самым превратить нейтральную папку в уголовное дело. Интуиция, опыт, дедуктивный метод и все остальное, без чего не разоблачишь преступника, диктовали поставить порядковый номер и тем самым дать ход расследованию.

Но чуть в стороне, по левую руку следователя, лежал Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (УПК). И этот самый УПК будто бы хитренько подмигивал следователю. И рука, уже готовая вывести несколько цифр на папке, всякий раз опускалась.

Автор просит прощения за несколько легкомысленное описание борения страстей, двигавших и задерживавших руку следователя. Вполне возможно, что УПК лежал не по левую, а по правую руку от него, а может быть, вообще покоился в ящике письменного стола или стоял на полке. Не в этом суть. Суть в том, что многочисленные изображения того, как ловят воров, проходимцев, взяточников и т. д. и т. п., идут частенько под девизом великого полководца Гая Юлия Цезаря: пришел, увидел, победил. Применительно к профессии следователя можно бы сказать: узнал, поймал, посадил.

Тут, однако, есть маленькая заковыка. Полководец был абсолютно свободен в маневре — лишь бы победить. Победителей не судят. А вот следователь и все его коллеги так не могут, не имеют права. Ибо цель их вовсе не ловить и сажать, но прежде всего — искать истину. 390 статей Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и держат их в рамках этой цели. Перед следователем не противник, которого надо изничтожить, но гражданин, на которого лишь пало подозрение. «Победителя», если он пользовался недозволенными методами следствия, самого могут привлечь к строгой ответственности. Советский закон гарантирует права не только передовиков производства и добропорядочных членов общества, но всех граждан, в том числе и тех, кто числится на очень плохом счету или подозревается в очень серьезном преступлении.

У следователя были веские основания начать дело: в городе участились случаи мошенничества. У граждан выманивали солидные суммы за устройство мебельных гарнитуров, двоим подсунули «куклы» (пакет, в котором вместо денег находится нарезанная бумага) при купле-продаже автомашин. Все это были разнохарактерные случаи. Да и исполнители операций, по описанию потерпевших, внешне не походили друг на друга. И все-таки. Как происходило изымание денег у простаков? Следователь перелистал ворох протоколов.

...Владимир Николаевич Б., ветврач одного из совхозов Куйбышевской области, приехал в Москву купить мотоцикл. Вожденной марки в продаже не оказалось. Он стоял посреди магазина «Спорт», когда перед ним вдруг возник некто, назвавшийся впоследствии Николаем. Николай сразу же усек, что ветеринарный врач стоял и думал, где и как заполучить мотоцикл.

- Пустой номер, — проходя мимо, сказал Николай. — Я-то тут давеча одному устроил...
- Слушай, друг! — встрепенулся Б. — Можешь?

Презент для мошенника

- Все можно, — философски заметил абориген. — Только на базу надо ехать.
- Да куда угодно! — радостно воскликнул пришелец.
- Полета за услугу.
- Об чем разговор!

Сели в автобус. Сошли возле мебельного магазина и двинулись по бульвару.

Вдруг спутник издал изумленный возглас и, быстро нагнувшись, поднял с тротуара нечто, обернутое в газету.

— Вот это да! — голос Николая звучал искренне. — Смотри-ка! — Он развернул газетный сверток и прошелестел тугой пачкой радужных десятирублевых купюр.

Ветврач рот раскрыл от удивления.

— Считаю, мотоцикл на дороге нашел, — честно сказал Николай, — на-ка, положи пока в сумку, потом разделим. Пошли, тут база уж за углом.

Владимир Николаевич еще переварить не успел событие, как из-за угла вылетел растрепанный мужчина.

— Братцы, товарищи дорогие, — завопил мужчина, — деньги я обронил. Четыре тысячи. Ты ж поднял, — указал он на Николая, — женщина видела, вон она за угол завернула.

— Какой сверток? Какие деньги? Да ты чего? — Николай, подмигнув ветврачу, чуть не за грудки схватился с незнакомцем. — Мы мотоцикл идем покупать.

— Я свои деньги знаю... Женщина видела... Покажи деньги!

— Ну-ка, дай твои, — Николай протянул руку к спутнику, — те, что в кармане. Мы ему докажем.

Владимир Николаевич словно под гипнозом достал свои тысячу шестьсот. Николай взял разномастные купюры и стал совать их чуть ли не в лицо мужчине: «Твои это, да? Твои?..»

«Женщина видела, вон она», — настаивал незнакомец. «Я сейчас, — бросил Николай ветврачу, — сейчас все улажу, минутку подожди».

И оба спорящие скрылись за углом.

Владимир Николаевич Б. стоял, ничего толком не соображая. Фантазмагория какая-то. Завернул за угол — никого. Туда-сюда — пусто. Достал из сумки сверток. Чужой сверток. Развернул.

Приковала взор радужная десятка.

Увы, она была в единственном числе и прикрывала тугую пачку нарезанной бумаги.

В тот же магазин «Спорт» пришел в поисках мотоцикла Василий Васильевич Б. из Кемеровской области. А дальше все повторилось, словно под копирку, с той разницей, что «Николай» назвался «Валерием», а Василий Васильевич выложил 2500 рублей Игорю Владимировичу Ц. из Тульской области. В том же магазине «Николай» представился уже «Сашей», а Алексею Алексеевичу Н. вообще никак не представился. Но тем не менее оба точно так же положили в карман проходимца по 1200 рублей, получив взамен на том же самом месте «куклу» с десяткой.

Юрий Алексеевич Ш. приехал из Волгоградской области с супругой. И не за мотоциклом, а за автомашиной. Около магазина на Автозаводской нужной машины супруги не нашли. И тогда поманили пальчиком человека, как они потом сказали, «горной национальности».

Тут аранжировка передачи денег была уже более сложной. Да ведь и сумма была другая — 8 тысяч. «Кавказский человек» предложил супругам написать письмо на имя председателя райисполкома. Потом поехали в исполком. «Горный человек» пошел куда-то наверх, а пришельцы остались ждать в вестибюле. Минут через 15 спустился еще один мужчина, тоже «горной национальности». Это и был «председатель», как его представил новый знакомый супругов Ш.

— Заявление я ваше подписал, — молвил «председатель» и, заметив восторженный блеск в глазах супругов, поднял руку, — не стоит благодарить. Сейчас как раз есть лишние «Жигули». Затем он протянул синюю оберточную бумагу и клейкую ленту. Не супругам, а их благодетелю.

— Деньги в эту бумагу заверни, этой лентой заклей. Я напишу на пакете резолюцию. И езжайте в магазин, прямо в кассу.

Процесс завертывания денег происходил, естественно, не в вестибюле исполкома. Вышли на улицу, зашли в сквер. Супруги пересчитывали деньги, благодетель завертывал, «председатель» давал указания, как что делать.

Когда супруги приехали к кассе, платить было уже нечем. Даже если бы в наличии был автомобиль. Бумага, идущая на отрывной календарь, в качестве валюты пока не принимается...

Отступление второе: в порядке исключения

К большому сожалению, некоторые вещи, которые называются предметами широкого потребления, пока еще относятся к категории дефицитных. Круг их сужается, но еще достаточно широк. В общем-то эти предметы, как правило, не те, без которых ну никак не обойтись.

Проживешь и без них. Но — очень хочется. А как говорят те, кто владеет источниками дефицита: «если нельзя, но очень хочется, то можно».

И вот на свет божий является великое искажение нормальных человеческих отношений: «в порядке исключения».

Мы, увы, привыкли к этой знаменитой фразе, сжились с ней, принимаем чуть ли не как норму, хотя она противоречит всем писанным правовым нормам и неписанным этическим правилам.

Закон, как известно, всеобщ, перед ним все равны. Он не знает никаких исключений, если таковые не оговорены в самом законе. И тогда ловкачи и прохиндеи ищут лазейки, дабы обойти незыблемое, подкопаться под него, проникнуть волшебным образом сквозь стену.

Это относится, естественно, не только к доставанию модных одеяний или престижной «техники».

И пытаются обойти закон не только махинаторы, поставившие себе такую цель сознательно.

Когда мой сын учился еще в школе, они готовили вечер: просиживали до ночи, то сочиняя капустник, то выпуская специальную стенгазету. Их очень хвалили за активность и даже, как кто-то сказал, за самоотверженность. И сын был очень горд. А на очередном уроке учитель физики поставил ему двойку.

— Я же ему объяснил, что мы поручение выполняли. Все равно... — сын протянул дневник.

— Что делать, — ответил я, — учитель прав, самостоятельность Похвальна, но она не должна мешать учебе.

— Так мы ж не для себя стенгазету выпускали!

— Хорошо. Но что учителю-то делать? Поставить ложную оценку? Обмануть государство, которое ему поручило подготовить знающих людей? Тебя самого обмануть?

— Но наша вожатая сказала, что нам, в порядке исключения, можно не сделать уроки.

Презент для мошенника

— Не думаю, что вожатая была абсолютно права, — я старался выражения выбирать помягче.

Так мы с сыном начинали совершенно случайно постигать одну из коренных основ права — закон должен действовать бескомпромиссно и неумолимо. И не только по отношению к нарушителям.

Закон устанавливает самые главные обязанности граждан. Он образует те рамки, которые позволяют человеку наиболее целесообразно вести себя в жизни, во всех самых сложных обстоятельствах. И никакие исключительные ситуации не могут оправдать обход закона. В данном случае самоотверженная общественная работа никак не могла предотвратить двойку по физике. И ведь закон глубоко справедлив, ибо главная цель учебы — это учиться. «Закон суров — но это закон», — говорили древние.

Понять умом это нетрудно. Бескомпромиссно следовать всем велениям закона в жизни оказывается сложнее. Всегда можно найти для себя лазейку.

Года через три приятель моего сына провалился на экзаменах в химический институт: «двойка» за сочинение.

— Ты знаешь, — говорил мне сын, — Сергей в химии бог. На всех олимпиадах победителем выходил. И вот... Разве это справедливо? К тому же он без отца рос.

— Ты предлагаешь изменить порядок приемных экзаменов?

— Зачем? Порядок пусть остается. Но разве нельзя сделать исключение для Сергея? Он же талант!

— Нельзя. Что бы сказали другие абитуриенты, если бы для твоего Сергея сделали исключение?

— В газете было написано, что порядок приемных экзаменов в вуз нуждается в совершенствовании.

— Возможно. Но пока этот порядок не отменен, он обязателен.

— Значит, плохой закон надо выполнять?

— Безусловно!

— Вот это да!

Конечно, я разъяснил, что его личное мнение о законе, даже мнение автора статьи еще не значит, что закон плох. Но даже если допустить, что он несовершенно, все равно его выполнение строго обязательно для всех. И это с великим трудом укладывалось в его сознании.

— Ладно, — сказал он, — пусть Сергея не приняли по правилам. А кому выгода? Страна потеряет, может быть, второго Менделеева.

— Это очень печально, — сказал я, — но разве можно ради предполагаемого Менделеева нарушать закон?

Разговор у нас шел полушутливый, а проблема-то весьма серьезна. Недаром столь заманчив для людей оказался знаменитый принцип: «цель оправдывает средства». Принцип незаконный и аморальный от начала до конца. Но в жизни приходится сталкиваться с ситуациями, когда хочется достигнуть цели «любой ценой».

Не случайно вспомнились мне эти давние семейные эпизоды, когда знакомился я с обманутыми мошенниками добропорядочными гражданами, так легко выкладывавшими свои трудовые, честно заработанные деньги. Быть может, на заре туманной юности они начали получать какие-то побрякушки, пусть самые крохотные, именно «в порядке исключения». А может быть, уже в зрелом возрасте испытали соблазн быть «не как все» хоть в чем-то. Не в том суть, когда у кого это произошло. Беда, что убежденность в позволительности такой линии жизни держится у многих очень стойко. И вот тут-то для ловкачей — полное раздолье.

Выводя себя за рамки правовых норм, эти добропорядочные граждане лишают себя — пусть на время — защиты закона. В душе ведь каждый понимает, что делает непопущенное, стыдное. Он, быть может, брезгливо вытирает ладони после рукопожатия, завершающего сделку, но все же в сделку вступает. А мошенник — он не дурак. Он часто весьма тонкий психолог и тоже отлично знает, что, выступив из-под сени закона, гражданин как бы уравнивается с ним; они оба уже связаны нитями беззакония. И пока обманутый соберется с духом все выложить властям начистоту, проходимец попытается надежно замести следы.

Заметали следы и те, о ком мы только что рассказали. Заметали тщательно, умело. Да, и случаи были разные, и, казалось бы, мошенники не похожи один на другого. Но чувствовал следователь присутствие некоей направляющей руки. Поэтому и случай с Тришкиным очень его заинтересовал. А тут узнал он и о происшествии на шоссе...

История с ночным рейсом безномерной «Волки» говорила следователю, что тут что-то не чисто. По его мнению, все объяснения Минькова были липой. К тому же появился Тришкин со своим заявлением. Он передал тысячу рублей за прекращение дела жены, у которой образовалась на овощной базе недостача, некоему гражданину «со связями». И по описанию этот гражданин

очень походил на ветерана и инвалида войны Минькова, попавшегося с машиной. Тришкин, правда, лишь мельком видел это лицо. Следовательно решил уточнить.

— Чернявый такой, — говорил Тришкин.

— Ну, а еще какие приметы?

— Да вроде бы никаких, я его почти и не видел, в растерянности был.

— Что же вам обещали?

— Дак, жена у меня. Невинно, можно сказать, страдает. По глупости единственно. Товарищ Петухов мне и сказал — выручим, надо только две тысячи для ответственного лица. Тысячу набрал. Принес. Но тот чернявый и слова мне не сказал. Я человек осторожный, так бы не отдал — да ведь мне и бумажку вручили. Вот она...

Следователь держал бумажку. На бланке прокуратуры было напечатано: «Дело гр-ки Тришкиной в настоящее время проверяется и взято под особый контроль». Все было по всей форме, кроме того, что из стен прокуратуры, как установили, никогда такая бумага не выходила. Бланк же был подлинный.

— И вы отдали тысячу рублей?

— Все-таки жена.

— А почему вы пришли к нам?

— Так, гражданин следователь! Амнистия объявлена. Меня как вдарило. Они ж полгода тянули. А как раз в тот день, говорят, приходи и приноси вторую тысячу, прекратят дело. Его и прекратят — по амнистии...

Что и говорить: смекнул Платон Иннокентьевич, что надули его. Пришел-таки в милицию.

Пригласили в отделение и Владимира Ивановича Петухова.

— Было, — не отрицал Петухов, — я его с каким-то прощелыгой свел. Пристал ко мне — выручи жену. А я что, Генеральный прокурор что ли?

Презент для мошенника

Но уж так пристал. Как раз в это время мы на троих сообразили. Один и показал чистый бланк прокуратуры. Тут я про Тришкина и вспомнил. Ну и обделали дельце.

— А кто такой Михаил Васильевич?

— Какой Михаил Васильевич? Первый раз слышу... По телефону? Что-то не припомню... Может, так, баловался спьяну.

Что и говорить, хитро обвели вокруг пальца Тришкина. А имеет ли это все же связь с дешевыми покупками простачков, когда на улицах тысячи находили? И с «куклами» за автомашины.

Вот и сидел следователь над папкой, у которой пока не было номера. Нутром он чувствовал, что ночная «Волга», жена Тришкина, бланк прокуратуры и еще с десяток случаев мошенничества связаны в один клубок. И что нити все сходятся к Михаилу Васильевичу. Интуиция это подсказывала, опыт, дедуктивный метод и все что хотите. Но нужны были улики, факты...

Михаил же Васильевич Миньков, которого разыскивали — спасибо, бдительный милиционер адресок тогда выписал на бумажку, — говорил следователю, сладко улыбаясь:

— Так я могу быть свободным? Благодарю вас. Я всегда знал, что советский закон не даст в обиду невинного человека...

Кто знает, что самое трудное в трудной работе следователя. Быть может, вот это — выдержать наглую усмешку проходимца, по которому, ты уверен, плачет тюрьма, но перед которым ты обязан извиниться за причиненное беспокойство.

Хоть историю с ночным испытанием «Волги» следователь прокрутил в мозгу еще и еще раз, ничего серьезного для себя не извлек. Более того, как выяснилось, Миньков и Петухов и покупателями не были. Они только услуги покупателям оказывали — машину проверяли.

Покупатели же, двое братьев, оказались уважаемыми передовиками сельского хозяйства из южной республики.

Факт вымогательства взятки у гражданина Тришкина тоже замкнулся на Петухове. И, возможно, следователь оставил бы это дело. Но бланк прокуратуры, который произвел такое впечатление на гражданина Тришкина, что тот выложил тысячу рублей и собрал вторую, — бланк этот не давал покоя. По повадкам Минькова, по его разговору, по действиям, пусть пока и не доказанным, следователь чувствовал незаурядного мошенника. Но как ухватить его.

Он еще и еще раз перечитывал биографию Минькова, вспоминал разговор с ним. И написал на листе бумаги: «Житие грешного Михаила»...

Михаил Васильевич родился на Тамбовщине. Детство, отрочество и юность Миши Минькова тонули во мраке неизвестности. Когда следователь попросил осветить начало своей биографии, Михаил Васильевич ответил:

— Рос — как вся советская детвора. Ах, незабываемое время! Пионерские костры! Счастье трудных дорог! И мечты, мечты... Чистые, светлые... Нынче молодежь пошла, скажу я вам, сплошь пижоны. В наше героическое время первых пятилеток мы — пионерия...

Когда следователь отправился в родной город Минькова, чтобы выяснить более поздние, связанные с уголовным кодексом моменты его биографии, то поинтересовался и его «пионерским отрочеством». Нашел его друга детства, имеющего шесть судимостей за воровство.

— Мишку Минькова? — переспросил друг детства, — а как же, знаю. Его мы звали Губастый.

Презент для мошенника

Каюсь, гражданин следователь, я ему тогда губу рассек. Этот кого хошь надует. Ну, я ему однажды и врезал, мошеннику. Посмотрите, у него мета моя должна быть.

— Как же так? Ведь Миньков кончал десятилетку...

— Ха, он так же кончил десятилетку, как меня избрали в академики. Вместе в детской колонии перед войной сидели. Да Миньку и некогда было всякими синусами-косинусами заниматься. Он делал дело. Аттестаты зрелости тоже, кстати...

Это было хоть и безответственное, однако же любопытное заявление. Согласно официальной биографии, М. В. Миньков в 1947 году поступил в юридический институт и в 1952 году его благополучно закончил. Значит, аттестат зрелости должен быть там. И он там был. «Аттестат зрелости» М. В. Минькова представлял собой двойной лист школьной тетради в клеточку. Обрамлен этот лист знаками §§§, напечатанными на обычной машинке. Так же напечатаны оценки по всем школьным предметам. А внизу, под печатями и подписями, значилось: «Выдано за отсутствием бланков».

Кто, как и почему принял в институт Минькова с такими документами — это теперь установить было трудно. Но кое-кто высказал соображения: он ведь ветеран войны, наверное, снисхождение сделали.

Следователь продолжал скрупулезно исследовать житие грешного Михаила, как если бы тот был знаменитым артистом, писателем или путешественником. Наслушавшись рассказов о юных годах Михаила, следователь взялся за документы, чтобы найти подтверждение своим догадкам либо, отвергнув их, восстановить «доброе имя М. В. Минькова», как того последний требовал в многочисленных письмах прокурору.

Особенно интересовало следателя «славное боевое прошлое» Минькова. Как-то не вязалось оно с тем, что услышал следователь. Первыми документами, которые попали в его руки, были справки о ранениях, записи о наградах и о прохождении службы в армии. Там значилось, что с 1956 года Миньков получает пенсию как инвалид войны. Но почему с 1956-го? Конечно, могли открыться старые раны или, например, прийти нужные документы. Но... как значилось в деле, Миньков был призван в армию в 1941 году, в 1943 году ранен. Вскоре он вернулсй домой, но за

пенсией не обращался и только в 1956 году явился в военкомат совсем другого города, где не был никому известен.

— Документы о ранении у меня украли, — заявил тогда Миньков, — но разве дело в бумажке — фашистский осколок навсегда запечатлел мои героические подвиги; прошу назначить комиссию и удостовериться.

Бывший работник военкомата теперь вздыхает: как это обвел их вокруг пальца Миньков. Но это теперь, а тогда в нарушение инструкции ему выдали документ о ранении, не получив никаких сведений из части или военкомата. И стал Миньков «ге-роем-фронтовиком», да еще «инвалидом войны». Правда, за пенсией он тогда не обратился, а сделал это несколько позже. Почему? Следовательно начал читать дело. Первый лист: свидетельство о ранении. Значит, была бумага! Почему же сказал, что украли? Печати, подписи как полагается.

— Печати-то, может, и подлинные, — говорил сам с собой следователь, — хотя я сильно в этом сомневаюсь, но что за странную операцию делали врачи в том госпитале...

В истории болезни было написано, что Миньков «оперировался на нервах». Знакомые врачи сказали, что это какая-то чепуха или, быть может, неумный розыгрыш шутника из госпиталя. Следовательно, однако, не думал, что это шутка. Справка, в которой упоминалась «операция на нервах», имела несколько необычный вид. По краям, где стояли штамп и печать, бумага была желтее, чем весь лист. Конечно, за 30 лет документ может выцвести, потускнеть, истрепаться. Но почему так неравномерно? В связи с этим у следователя возникли некоторые соображения. Но требовалась консультация «специалиста». И вот перед ним сидит солидный пожилой гражданин. «Профессию» свою он давно оставил, жил последние годы честным трудом и теперь даже получает пенсию от государства.

— Ах, гражданин следователь, — вздохнул консультант. — Разве это работа. Халтура, а не работа. Мне стыдно за моих наследников — это я говорю как чистый профессионал. Как честный гражданин я радуюсь, что моя старая специальность вымирает.

— Хватает еще «специалистов».

— Это вы называете работой специалиста? Элементарное нарушение технологии. Надо было смачивать весь листок, целиком. А этот халтурщик смочил только уголки, на которые переводил печать. С подлинника он перевел печать на чистую бумагу, а с нее на эту липу. Он же отдал себя тепленьким в руки нашего славного уголовного розыска...

Следователь, однако, понимал, что его догадки, равно как и подтверждение «специалиста», имеют пока чисто беллетристическое значение, во всяком случае с точки зрения УПК все эти разговоры равны нулю.

И снова дорога. Снова поиски людей, которые могли знать Минькова. Когда хотят сказать о безнадежности какого-либо поиска, то вспоминают иголку, затерявшуюся в стоге сена. Но следователям все время приходится заниматься такими «безнадежными» поисками. Сколько бы преступников ушло от возмездия (а может быть, и с невиновных не было бы снято пятно), если бы юрист утешал себя: «Это же невозможно найти», «Это же никогда не установишь». Надо найти, надо установить, даже если нет «ни одного шанса», — только в этом принцип розыска.

А тем временем в институте судебных экспертиз установили, что история болезни Минькова — фальшивка, изготовленная описанным выше способом. Следовательно ищет новые «иголки» в стоге сена. И находит давнего приятеля Минькова, который своей рукой написал «историю болезни» и вставил пресловутую «операцию на нервах», будучи подшофе.

Все это ложилось в папку под кодовым названием «Житие грешного Михаила». В ней, правда, не хватало некоторых официальных документов. Вскоре на запросы следователя пришли ответы. Из воинской части: «М. В. Миньков в списках части за 1941 — 1943 гг. не значится».

Из наградного отдела МО СССР: «Среди награжденных указанными орденами и медалями М. В. Миньков не числится».

Еще один документ: «Миньков привлекался к ответственности как дезертир, но дело прекращено в связи с амнистией, объявленной в 1945 году».

Вот теперь стало понятно, почему «отважный воин, проливший свою кровь», появился в военкомате лишь в 1956 году и в военкомате, который его в армию не призывал.

Следователь поставил в выше упомянутой папке точку и пригласил Михаила Васильевича.

Миньков сел, положил ногу на ногу, и с готовностью стал ждать вопросов. Вопросов не следовало. Михаил Васильевич взглянул искоса на стол, где лежало его пенсионное дело, чуть встрепенулся, но сразу же расплылся в улыбке.

— А-а, я теперь понял, зачем вы меня пригласили. Нашли некоторые несоответствия в биографии?

— Жаль, я не писатель, — сказал, улыбаясь, следователь, — а то у меня здесь сюжет для отличного детектива. Но нам-то, Миньков, надо делом заниматься. На вас падают серьезные обвинения, — следователь похлопал по «делу».

Миньков, уже совершенно овладевший собой, закурил и ответил:

— Мы с вами неглупые люди, к тому же юристы. Как вы справедливо заметили, в этой папке содержится неплохой сюжет для детектива, кино даже снять можно. Я не стану ни подтверждать, ни отрицать того, что содержится в этой папке. Я просто напому вам статью Уголовно-процессуального кодекса. Ту, в которой идет речь о сроке давности.

— Помню, коллега, помню об этой статье. В этой папке содержится, действительно, лишь беллетристический материал, лишь характеристика некоей личности... Но у меня есть и другая папка. Пока пустая. Так вот, чтобы начать ее, вам придется рассказать мне о том, как вы покупали «Волгу» у гражданина Корытова. Не помните? А ведь это было совсем недавно — срок давности когда только еще истечет...

Улыбка сдернулась с лица Минькова, оно стало некрасивым и злым.

— Вот что, следователь, вы под меня копаете. То приписали мне угон машины. То завели разговор о взятках. Теперь, нате вам, мошенником объявили.

— Положим, последним занимались ваши подручные. Ведь только случай помешал с «Волгой». Не так ли?

Да, подручные Минькова, надо сказать, артисты своего дела, договорились с вдовой, унаследовавшей «Волгу». Дали ей хорошие «деньги». Небольшое препятствие состояло в том, что у гражданки оказался подозрительный характер. Она и «деньги» взяла, и номера своей машины у себя оставила, полагая, что обеспечила себя надежными гарантиями. И не знала она, что осталась бы с номерами без машины, если бы не забарахлил у «Волги» карбюратор на окружном шоссе и если бы менее бдительным оказался инспектор ГАИ. И без денег, поскольку в целлофане лежала нарезанная бумага. Пока гражданка пересчитывала деньги, пакет переходил из рук в руки, и в какой-то момент пачку денег подменили «куклой».

А перед этой несостоявшейся сделкой «автолюбители» — подручные Минькова — договорились с неким Виталием Григорьевичем Корыто-вым, которого встретили на подходах к автомагазину. И купили у него «Волгу» за двести рублей: всучили-таки отрывной календарь, который сверху и снизу прикрыли сотенной купюрой. А простак думал, что получил двадцать тысяч, пока дома не развернул целлофановый пакет. Всю эту историю и рассказал следователь Минькову во всех подробностях.

— Не понимаю, — пожал тот плечами, — а я-то тут при чем? Я и в глаза не видел этих разбойников, которые обьегорили так же неведомого мне гражданина Корытова.

— Ой ли?

— Товарищ... гражданин следователь, — Миньков прижимал руки к груди, — да, я был грешен во многих нехороших делах. Но то были ошибки далекой молодости. Они — спасибо нашему гуманному закону — мне в вину поставлены быть не могут. Срок давности истек, как мы с вами выяснили, опять же сколько амнистий было. Очевидно, я могу быть свободен? Историю «автолюбителей» вы мне в назидание рассказали? В порядке профилактики?

— Не совсем... Вот прочтите...

Следователь положил перед Миньковым протокол допроса Реваза Сохадзе. Тот подробно рассказывал о том, как обманули гражданина Корытова, а также супругов Ш. из Волгоградской области. И еще протокол допроса некоего Эдика Ильичева — тот был специалистом по выманиванию денег с помощью неожиданной находки на улице. Оба без оговорок утверждали, что 25 процентов прибыли отдавали Наставнику.

— Не торопитесь утверждать, что это ложь и клевета, — сказал следователь, — вам будет дана очная ставка с обоими.

— Проклятый карбюратор! — воскликнул вдруг Миньков, стукнув кулаком по столу. — Если бы не он и не этот сверхбдительный инспектор, так бы вы меня и видели. И этот подонок Сохадзе. Я ж его, можно сказать, создал, из грязи вытащил, человеком сделал. А он...

— Не карбюратор вас подвел, Михаил Васильевич. Жадность ваша подвела. Надеюсь, вы не забыли, как обобрали своего подручного. Уж на очной ставке он вас уличит, будьте спокойны... Да, был эпизод. Миньков тогда решил наказать подручного Сохадзе за то, что тот не передал ему обусловленной суммы денег, полученных за очередное мошенничество. Миньков подставил своих людей — тот их «обманул». А они повезли его на Петровку-38. Правда, не довезли. Сохадзе выложил пять тысяч рублей — цена «свободы». Этот эпизод Миньков тщательно скрывал от подручного; саму операцию провели другие «мальчики» Минькова. Сам же Миньков посоветовал молчать об этом эпизоде, а впредь быть «честным» со своим благодетелем. Догадывался Сохадзе о том, кто организовал все это дело, или же точно знал, но обиду на Наставника затаил. А во время расследования дела о покупке «Волги» у гражданина Корытова всплыл и этот эпизод. Так верный подручный узнал, что благодетель и Наставник ободрал его самого. И он раскрыл карты...

— Не стану отрицать, — спокойно сказал Михаил Васильевич, — что было, то было. Не думаю, что мне тут светит что-то серьезное.

— Не торопитесь. Мы с вами перейдем сейчас к эпизоду вымогательства двух тысяч рублей у гражданина Тришкина. Потом мы займемся историей о том, как через свою знакомую Надю вы добывали бланки официальных учреждений... Потом вам придется рассказать, как вы их использовали... Потом...

— Все, — Михаил Васильевич как-то весь сжался и перед следователем сидел уже не вальяжный делец, но вихрастый щупленький Минька, — все, я готов...

— Тогда начинайте рассказ о своих преступных деяниях.

— С чего же начать... — Миньков на минуту задумался, — дело в том, что глупцов и ротозеев на наш век хватит...

Отступление третье: простак с должностью

Вот уж в чем был прав «грешный Михаил», так в этом своем утверждении. Нечестивый принцип достать что-нибудь в порядке исключения исповедуют, скажем осторожно, и некоторые должностные лица. И они, болеющие за интересы своих «родных коллективов», плодят проходимцев... Об одном таком случае уместно здесь рассказать.

Вы знаете, читатель, что такое куртуазность? Это целый свод галантных приемов, употребляемых худшей половиной рода людского, дабы столкнуть со стези добродетели отдельных представительниц половины лучшей. Дамы, верно, в нашей истории не присутствуют. Поэтому Николай Бутенко, молодой человек приятной наружности в распахнутой дубленке, расточал

комплименты солидному и весьма серьезному должностному лицу одного министерства, мужчине предпенсионного возраста.

— Где мне взять слова, — страстно молил обольститель, — чтобы они растопили лед вашего недоверия? Если скажете «нет», то обречете меня на стыд и позор. Если — «да», то, поверьте, не прогадаете.

— Сколько? — сдалось должностное лицо.

— Вот расчет.

Дорогой читатель, вы знаете, что такое кровельное железо? Не будьте самоуверенны. Это вовсе не то, из чего делают крыши. То есть из него и крыши делают — но это потом. А в первооснове своей кровельное железо — это дефицит. Строго фондируемый материал. Его надо сначала достать — это кульминационный момент жизни кровельного листа. Что было «до» (то есть, когда его делали) и «после» (когда из него что-то сделают) — серая проза будней. А вот когда его достают — это карнавал, вакханалия, оргия.

И когда и.о. начальника отдела снабжения министерства вымолвил «да», серебряные трубы запели в душе Николая Бутенко. Он вспомнил, как несколько дней назад переступил этот поспартански обставленный кабинет.

— Условия труда, — сказал он тогда, — у вас неплохие. А летом? В отпускной период? Неужели ваши подчиненные проводят свой отдых в городском шуме и чаде?

— Ну, кто как, — ответил хозяин кабинета. — В основном, устраиваются. Хотя, конечно, туговато. А вы, собственно, по какому вопросу?

— А так! Без вопросов. У меня на берегу Черного моря поместье пустует.

— Какое поместье?

— Позвольте представиться: представитель колхоза-миллионера «Крымский». Дело в том, что мы построили свой санаторий — полтораэтаж. В настоящий момент там отдыхают труженики полей, набираются, так сказать, сил. А для чего набираются? Чтобы летом что делать? Не догадываетесь. Трудиться чтобы. В летнюю страду нам, хлеборобам, не до отдыха. А полтораэтажные койки в это время что делают? Просто и валяют!

— А вы, хозяин хороший, — сказал снабженец.

— Так ведь колхоз-миллионер, такую миссию, как моя, первому встречному не доверят. Итак, готовьте списочки, оформляйте отпуска, поближе к июню дайте знать, чтобы все к приему ваших сотрудников приготовить. Только предупреждаю: у нас тихо. Никаких культурников-затейников. Пляж, рыбалка, уютный уголок.

— Господи, нам эти затейники и самим поперек горла. После столичной-то суеты... Ну... а... вы же не просто так...

— Господи, да о чем вы? Оскорбляете. Не желаете, я пойду в ведомство напротив.

— Нет, нет, вы не так поняли.

— Ну, уж если вы настаиваете... Тонн семьдесят кровельного железа мы бы у вас взяли. Для парников. У нас в санатории, видите ли, правило... когда гость уезжает, мы ему посылочку сооружаем — для дома, для семьи или опять же для сослуживцев, которые отпуск зимой отгуляли. Так, ерунда: черешенки, помидорчиков. Прямо с грядочки. Традиция у нас...

— Чудесная традиция, — улыбнулось суровое должностное лицо и подписало наряд. Распроставшись со столицей, имея в кармане наряды на кровельное железо, наш паладин отправился в южные степные районы, к председателю колхоза «Вперед».

— Могу составить счастье жизни, — сказал Бутенко председателю. — Я из Москвы, из министерства.

— Хм, счастье! — скептически усмехнулся председатель. — Счастье жизни у меня уже двадцать лет под боком.

— Ну тогда бувайте, а я думал вам железо нужно...

— Какое железо?

— Кровельное.

— Кровельное?! Друг ты мой сердечный, да ты что ж прямо не сказал. Да я же... да мы же... Главбух, ходи сюда! Есть же бог на небе, — председатель вцепился в дубленку мертвой хваткой, хотя ее владелец вовсе и не собирался покидать поле чести.

Вскоре все трое сидели за столом, как заговорщики. Гость вытащил наряд на 40 тонн кровельного железа, накрыл его ладонью и сказал: «Восемь тысяч». «Восемь?», — бухгалтер возвел очи потолку, пошептал губами: «Двести рублей тонна, за два целковых десять килограмм, если пустить по четыре, даже по шесть... с руками оторвут».

— Можно, Степаныч, обернемся даже с выгодой. Дай-ка наряд.

Наряд был выписан по всей форме. На всякий случай справились на межобластной базе: там подтвердили — сорок тонн кровельного железа по наряду можно получить в любое время. Потому нежданный благодетель тут же получил свои 8 тысяч и отправился по дорогам и тропкам в поисках других ротозеев.

Вы знаете, кто такие ротозеи? Наверняка, вы думаете, что это честные безалаберные граждане, так сказать, не от мира сего, которых надувают хитроумные пройдохи? Где-то в основе вы правы. Но вот непорочность, бесхитрость и добродетель обобранных — весьма и весьма сомнительны. В наш рациональный век со стези добродетели сталкивают в основном тех, кто очень хочет с нее сойти._

Между тем в министерстве составили списки отдыхающих, они уже стали заказывать билеты в южном направлении. Оставалось позвонить в колхоз. Позвонили. Спросили о парниках, на которые пошло фондируемое железо.

— Какие парники? — переспросил председатель колхоза «Крымский», когда в его кабинете раздался междугородный звонок. — Парники у меня в порядке. А в чем, собственно, дело? Путевки? В санаторий? На море? Так наш колхоз среди степи стоит. Что? Какой Бутенко? Первый раз слышу...

В министерстве распаковывали чемоданы. А счастье было так близко...

На межобластную базу меж тем приехали четыре грузовика колхоза «Вперед» за кровельным железом.

— Только вчера ваш наряд министерство приказало считать недействительным, — сказали председателю и бухгалтеру, которые взяли из колхозной кассы восемь тысяч рублей. А счастье было так возможно...

Последние аккорды в этой куртуазной истории пришлось брать работникам службы борьбы с хищениями социалистической собственности. Они поймали странствующего проходимца. Вывели на чистую воду и других. Они понесли, как говорится, заслуженные наказания. Но, конечно, далеко не все. Так называемые лично честные должностные лица отделались легким испугом... Как видите, масштабы и объекты разные — методы одни и те же.

Не станем рассказывать о том, как проходил суд над Михаилом Васильевичем Миньковым, крупным дельцом, стоявшим во главе целой шайки мошенников разного калибра. Вернее, целой своры ловких жуликов. Они работали на Минько-ва, не зная друг друга. Например, Петухов никогда в глаза не видел «автолюбителей», но и те и другие обогащали своего Наставника. Словом, преступники получили, как говорится, по заслугам.

А потерпевшие? Вот о них-то и хотелось сказать особо.

Обычно жертва преступления предстает перед нашим мысленным взором в качестве избитого гражданина, обворованного прохожего, поруганной женщины и т. д. и т. п. Понятно, жертва всегда вызывает сочувствие, а также возмущение воров, хулиганом, насильником, которые нанесли моральный и материальный ущерб тем, кого юриспруденция именует потерпевшим. Одна из целей правосудия — защитить потерпевшего, восстановить, насколько это возможно, понесенный им ущерб, возместить материальные потери, восстановить нарушенные права. Все это никаких недоумений обычно не вызывает. Но случается так, что человека, обозначенного в судебно-следственных документах потерпевшим, довольно затруднительно назвать жертвой. Противно это логике, здравому смыслу и морали. Хороша «жертва», которая ищет, кому бы дать взятку, чтобы выручить проворовавшуюся жену! Или желающие приобрести дефицитную вещь в обход правил торговли. Ведь иные граждане такого сорта словно сами ищут мошенника, который бы выманил у них деньги.

Наверное, не все знакомы с криминологической теорией, согласно которой поведение жертвы в какой-то степени предопределяет действия преступника, иногда даже провоцирует их. Скажем, рассеянный человек скорее привлечет внимание вора, нежели человек собранный, точный в движениях. Робость поощряет хулигана, уверенность охлаждает и т. д. Все это объясняет некоторые события, однако же никак не оправдывает преступление. И ставить в укор жертве ее субъективные человеческие качества правосудие не может.

Но бывают исключения из этого последнего правила. Иной раз и не поймешь сразу, «кто есть кто». Вот и во время суда над Миньковым с трудом иногда разбирались, кто же кого старался надуть. И, честное слово, порой возникала мысль: а не сделать ли в зале суда некоторые перемещения, не пересадить ли некоторых из первого ряда, где места занимают потерпевшие, туда, за барьер? Никогда бы мошенники-ловкачи не смогли бы обогащаться, если бы сами потерпевшие не искали от контактов с ними каких-то корыстных выгод, которые они стремились получить в обход законов и существующих порядков...

На суде Миньков говорил:

— В сущности, так ли мы виноваты? Судьба, можно сказать, делает нам презенты, посылая внешне добропорядочных граждан, которым очень уж хочется выложить свои кровные деньги за то, чтобы скользнуть мимо порядка. Не мы искали — нас ищут...

Судьи не согласились с оправдательными мотивами действий мошенников. И все же в словах «грешного Михаила» есть своя сермяжная правда.

Мы начали с несколько даже комического эпизода — когда brave десантник числился потерпевшим, а два хулигана, им избитые, судьбу благодарили, что живы остались. Но это — казус.

А вот десятки и десятки «потерпевших» в этой преступной эпоху очень смахивают на пособников преступления. Ротозей поистине находка для мошенника.

Отступление четвертое и последнее: откуда они берутся и чем держатся?

Не будем говорить о преступности вообще: мы рассматриваем одну из ее разновидностей — мошенничество. В предшествующем изложении мы показали, что это зло многолико. Что честные и добропорядочные люди, пусть по разным причинам, но попадают в одни и те же сети с каким-то непостижимым постоянством. А не потому ли это происходит, что мы сами себя убедили, будто проходимец слаб, пуглив и шарахается не только от человека в милицейской форме, но даже от наряда народных дружинников?

А он вовсе и не так пуглив. Он научился обходить стороной представителя власти, принимать личину невинности, рядиться под маску. Он прекрасно одет, хорошо говорит и открыто улыбается. Было бы несправедливо и даже аморально ставить на одну доску обманщика и обманутых. Закон этого и не делает. Но как же обманутые мешают его неотвратимой поступи!

Нельзя, недопустимо в нашем обществе сеять семена подозрительности и недоверия к людям. Ничего худшего не придумаешь, чем вселять в людей убеждение, будто они окружены мошенниками и проходимцами. Но и призывы к житейской, бытовой бдительности не бессмысленны.

Эту истину убедительнее всего подтверждают слезы и гнев тех честных наших сограждан, которые расстались с честно заработанными рублями таким позорным и, прямо скажем, очень обидным путем.

И снова нам время обратиться к вечной теме — закон и жизнь, директива и инициатива, запрет и желание.

Мы, как нам кажется, достаточно много, если даже не назойливо, повторяли, как важно с точки зрения нашей морали и просто по причинам житейской предусмотрительности все-таки придерживаться порядка в делах, общественных и личных, а уж тем более закона.

Если говорить о законе уголовном, то есть о тех деяниях, которые называются преступными, — безнравственно что-либо оправдывать житейскими и прочими соображениями. В оценке таких деяний есть две лишь краски — черная и белая: преступно — не преступно.

В правоотношениях гражданских, в тех поступках, которые под Уголовный кодекс не попадают, но очень близко с его нормами соседствуют, тут у нас есть право выбора. Можем ли мы, не кривя душой, сказать человеку: коль нет, допустим, дубленок в магазине, так и не гоняйся за ними, не надоедай знакомым, не строй жалкие улыбки продавщице, чтобы узнать, когда будут? Думаю, не можем так сказать, по крайней мере, не в силах запретить. Да никто и не послушает, если быть откровенным.

Но не кажется ли вам, дорогой читатель, что, гоняясь за модными вещами, преподнося коробку конфет либо бутылку коньяка «нужному человеку», мы, как правило, отлично понимаем — это прилично и допустимо, а это переходит через грань. Это то же самое, что знаменитый спор — подарок или взятка. Юристы, журналисты, моралисты каких только аргументов со ссылками на классику не находят, чтобы провести границу между любезностью и подкупом. И все больше поиск идет в числовых выражениях: до 10 рэ подарок, а вот после уже...

Мы-то с вами, читатель, точно знаем, что, где и когда. Знаем — и букет цветов может быть взяткой, и магнитофон — подарком. Смотря кому и по какому случаю.

Вот так же и в сделках с «нужными людьми». Уголовный закон все точно взвесит, просчитает и отмерит. Но вот когда дело до него еще не дошло, решать нам. Ориентируясь и на норму права, и на требования морали, и на собственную житейскую мудрость.

Коль скоро эти три начала лягут в основу нашего выбора — мы не ошибемся.